

АСР Архитектура и строительство России

Пространство: Природа и Архитектура
Сад в архитектурной среде

Влияние альтернативных энерготехнологий
на архитектуру высотных зданий

Расширение колористической гаммы
декоративных материалов для отделки
помещений

Российский архитектурный конкурс
«Дерево в архитектуре 2013»

А.П. Вергунов

УСАДЕБНЫЕ И ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СИСТЕМЕ ЗАПОВЕДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ

ПРОСТРАНСТВО
ПРИРОДА И АРХИТЕКТУРА

MANOR AND THE PALACE-AND-PARK COMPLEXES IN THE SYSTEM OF PROTECTED HISTORIC LANDSCAPES

A.P. Vergunov

В статье рассматриваются историко-природные национальные парки как форма сохранения усадебных комплексов. Сохранение русских усадеб возможно созданием вокруг них обширных территориальных образований. Такими образованиями являются музеи-заповедники. Но лучшей формой сохранения усадеб, связывающей их с природным фоном, могут быть историко-природные национальные парки (ИПНП), не только устанавливющие обширные защитные зоны, но и представляющие собой новые планировочно-ландшафтные структуры и системы туристских коммуникаций. Российские ИПНП могут быть разнообразными по содержанию, размерам, организации и даже целевым установкам, но общая задача для таких образований – возможно полное выражение потенциала местности, основой которого служат усадебные комплексы.

Ключевые слова: усадьбы, сохранение, историко-природные национальные парки

The article considers historical and national natural parks as a form of conservation of the estate complexes. The preservation of Russian estates possible creation around them vast territorial formations. Such entities are museums-reserves. But the best form of the conservation of estates, linking them to natural background levels, may be a historic-national natural parks, not only establishing comprehensive protection zone, but also represent a new planning-landscape structure and system of tourist communications. Russian historic-national natural parks can be diverse in content, size, organization, and even target settings, but the overall objective for such formations is possible full identification of the potential areas, the basis of which serve manors.

Key words: the estate, preservation, historical and natural national parks

Существует мнение, что для возрождения русских усадеб необходимо создать в них музеи, обеспечить рациональное культурное, отчасти хозяйственное использование зданий и установить по периферии каждой усадьбы защитную, охранную зону. Однако практика показывает, что этого недостаточно, подобные «оазисы» не могут сохранить свой исторический облик, если быстро и непредсказуемо изменяется вся внешняя ландшафтная среда, в лоне которой когда-то и зародилась усадьба. Урбанизация сельской местности, особенно в пригородных зонах, развитие промышленных, транспортных, современных все более крупных технических и хозяйственных сооружений, многоэтажных домов до неизвестности меняет ее вид, смещает сложившиеся визуальные акценты, а главное — неизбежно искалечает исторически сложившиеся функционально-содержательные характеристики ландшафта. Между тем оценить по достоинству эстетические ценности усадьбы, осознать значимость ее исторических памятников можно только в спокойной обстановке. Если учсть реальные параметры звуковых, химических, визуальных помех

— а это не десятки, а сотни метров, зачастую и километры — то становится ясным, что вторжение чуждых для усадьбы объектов не только на непосредственно занимаемые ею территории, но и на смежные открытые пространства (например, транзитной автодороги мимо подмосковных Горенки и Пехра Яковлевское) могутоказать на нее самое разрушительное воздействие.

В этих условиях единственной возможностью спасти их как целостные архитектурно-ландшафтные и культурные комплексы является создание достаточно обширных

(протяженностью в 2-5 и более км) территориальных образований, в которых будут обеспечиваться охрана и восстановление как самих отдельных историко-культурных ценностей, так и окружающего природного или традиционного сельского ландшафта, причем он также рассматривается как непреходящая историческая и экологическая ценность, как национальное достояние. Преимущество такого пути возрождения усадеб особенно очевидны в тех случаях, когда мы имеем дело не с отдельно взятой усадьбой, а с их группировкой («системой», «гнездом»), объединенной или фактором близкого соседства, или единым природным фактором («цепочка» усадеб вдоль реки), или некоей «тематической» связью (например, памятью об исторической личности) и т. д.

Определенным шагом в этом направлении является создание в нашей стране нескольких историко-культурных (или мемориально-литературных) музеев-заповедников, таких, как «Петропавловск», Пушкиногорье или Спасское-Лутовиново. Действительно, Пушкинский мемориал в Псковской области включает не только родо-

Усадьба Михайловское. Парк

Усадьба Надеждино Кузнецких, Пензенская область. Главный дом. 1790-е годы

ые поместья Ганибала Михайловское и Петровское, но также имение Осиповых-Вульф Тригорское и дорогу к нему, все усадебные регулярные и пейзажные парки, части долины реки Сороть, озера Кучане, Малеиц, Савкино Городище (часть крепости Воронич XIV-XVI вв., охранявшей юго-восточные подступы к Пскову), Святогорский монастырь XVI в. с могилой А.С. Пушкина, старые кладбища, водяные и ветряные мельницы и многое другое. Создание, начиная с 1922 г., и последовавшее вслед за окончанием Великой Отечественной войны восстановление из руин государственного Пушкинского заповедника следует считать большим достижением. Здесь была осознана роль не только отдельных памятников-сооружений, но и их природного фона — источника вдохновения поэта и ландшафтной среды, в которой органично существуют и воспринимаются тысячами посетителей эти памятники. Отдавая должное подобным примерам, приходится все же констатировать их редкость, если не исключительность, с одной стороны, и неполное решение проблемы с точки зрения современных экологических требований, недостаточный учет перспектив развития экономики края, туристских потоков. В том же Пушкиногорье не обеспечено дальнейшее сохранение исторически сложившихся сельских ландшафтов вокруг мемориального «ядра» на глубину 15—20 км, а ведь это необходимо, учитывая новые данные по переносу химических, акустических и других загрязнений, радиусы видимости крупных технических сооружений. Пока еще не определены четко режим строительных ограничений

в прилегающих сельскохозяйственных поселениях, возможные лимиты на строительство промышленных предприятий в данном районе (вспомним о печальной судьбе Ясной Поляны, буквально отправленной выбросами Щекинского комбината). Не оценены должным образом вроде бы второстепенные, но сыгравшие свою роль в жизни Пушкина соседние усадьбы Ахтын и Лодино с их парками, прудами, отдельными постройками XVIII-XIX вв., где предполагается организовать «музей псковской усадьбы». Внушает тревогу и возможность чрезмерного развития самого центра заповедной зоны — поселения Пушкинские горы ввиду его непосредственной близости к Михайловскому и Тригорскому.

Однако и в настоящем своем виде Пушкиногорье в целом выполняет свою роль историко-культурного заповедника, привлекающего множество экскурсантов, которых интересует не только сбереженные материальные свидетельства жизни великого поэта, но и то, что земля сохранила целые пласти нашей культуры, начиная с Киевской Руси — ведь здесь можно увидеть и древние курганы славян-язычников VII-IX вв. Не подсказывает ли этот замечательный пример путь, по которому следовало бы пойти и во множестве других случаев? Ведь, скажем, по нашим ориентировочным расчетам, не менее 30—40% дворянских усадеб центрального региона России может войти в состав таких или подобных территориальных группировок и рассматриваться уже не обособленно от своего природного фона, но в тесной связи с ним.

Усадебный, дворцовый или дворцово-парковый комплекс не может быть понят как художественное целое без своего природного окружения. Более того, это «окружение» во многих случаях является главной причиной, поводом зарождения ансамбля имен, но в данной местности и его развитие — физическое и в качестве той или иной эстетической или идеологической системы — также обусловлено топографическими особенностями ландшафта. Соплемся в качестве наглядного примера на имение графа Воронцова на южном берегу Крыма, созданное, как известно, 1830—1840-е годы. Вот высказывание известного русского краеведа прошлого века Е. Л. Маркина: «Нигде, кроме Алупки, я не

видел такого сочетания архитектурного гения с гением пейзажиста, моря с горами, камня с лесом, дикости природы с изяществом цивилизации». Это шедевр пейзажного искусства, пользующийся мировой известностью, и Алупкинский дворец, окружающая его местность являются объектом паломничества многих поколений художников. Алупка ввиду ее выгодного расположения и великолепных природных особенностей местности была избрана генерал-губернатором Новороссии в качестве главного, майоратного имения. При этом учитывалось наличие именно здесь относительно крупных водных источников, благоприятные особенности местного климата (защитный эффект Крымского хребта достигает здесь, у горы Ай-Петри, своего максимума), преобладание пологих склонов значительной протяженности и южной ориентации. Не только эти моменты были приняты во внимание, но и само великолепие пейзажа, его неповторимость и разнообразие, совершенно особый характер местности. Россыпи гигантских каменных глыб, горные потоки, рощи крымской сосны, пущистого дуба, можжевельника почти без изменений органически вошли в композицию ансамбля. Разумеется, эта локальная система связей архитектуры, и природы далеко не исчерпывает его сложного и значительно более широкого ассоциативно-исторического контекста. Он складывался под влиянием тех романтических тенденций и традиций, которые господствовали в это время в искусстве. Горный ландшафт и историческое прошлое Крыма способствовали гармоничному включению «готических», «восточных» и «классических» элементов в общий ансамбль. Татарские легенды, предания о древних генуэзских колониях, близость памятников Бахчисарай, руин средневековых крепостей и монастырей, пещерных городов — все это придавало ощущение подлинности «затеям» Воронцова на южном берегу Крыма. Здесь соединились в одно художественное целое богатейшая природа со всем разнообразием исторического опыта человечества, с современными космогоническими представлениями, с вечными истинами великих религиозных культов.

Однако не меньшее значение имеют и ассоциативные связи. Сложный силуэт дворца при взгляде с юга напоминает очертания горы Ай-Петри, как бы повторяется ее силуэт. В свою очередь уступчатая вершина горы сама вызывает у зрителя представление о некоем фантастическом замке. Образная перекличка архитектуры и ее природного фона усиливается и общностью материала: и горная гряда, и дворец сложены из одной породы — диабаза. Это придает особое колористическое единство открывающейся с моря панораме. Все остальное этому подчинено — и легкие навесы галерей, готический узор на крыше, стрельчатые окна главного корпуса и зимнего сада, богатое оформление Львиной террасы и лестницы.

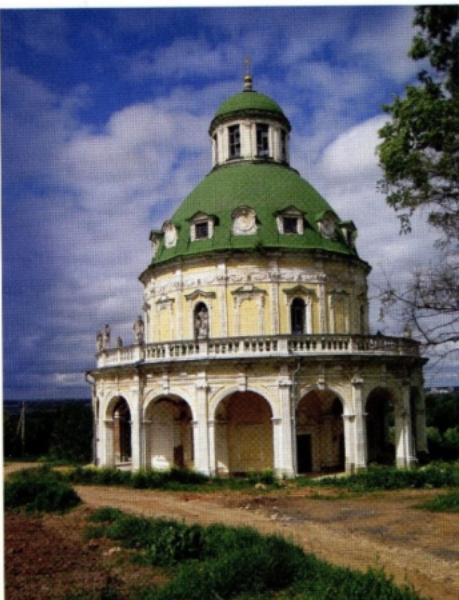
Слитность архитектуры и природного фона подкрепляется и рядом других средств. Резные вертикальные тяги фасада, устремленные вверх декоративные башни

«поддерживаются» группами высоких пирамидальных кипарисов. Горизонтальные членения дворца, усиленные резкими тенями от балконов и карнизов с большим выносом, ритм лестничных маршей и террас перекликуются с горизонтальной поверхностью моря, почти параллельными контурами предгорий.

Связь архитектуры и природного фона, характерная для Алупкинского дворца, находит свое наиболее полное выражение в устройстве парка. Та его часть, которая начинается непосредственно у дворика перед северным фасадом дворца, символизирует таинственную «диковинную» природу. Это пересеченная местность с лабиринтом тропинок между каменными россыпями, тенистыми зарослями деревьев и кустарников. На посетителя производят впечатление своеобразная игра света и теней среди множества каменных глыб самых диковинных очертаний, увитых плющем и нагроможденных одна на другую. Особенно поражает «Лунный камень», достигающий в длину 20 метров при десятиметровой высоте. Материал этой глыбы — диабаз, из которого сделаны стоновые блоки самого дворца. Она громоздится непосредственно перед северным двориком и усиливает эффект неразделенности архитектуры и природного фона.

На северной периферии парка у подножия горного хребта расположена так называемый Большой Хаос. Здесь впечатление грандиозности, стихийности дикой

Усадьба Подмоково под Москвой.
Церковь Рождества Богородицы. 1714—1722 годы

Усадьба Сокиринцы. Черниговская область, Украина. 1790–1830 годы

природы достигает еще боль шей силы. Однако это исполнение первозданный ландшафт; он искусственным образом раскрывается зрителю благодаря устройству специальных проходов, тропок, лесников и видовых площадок. В некоторых местах между камнями на привозном грунте выращены аллеи и итальянские сосны. Именно отсюда, с высоты, алуштинский дворец смотрится на фоне моря и может быть воспринят как огромный архитектурно-ландшафтный ансамбль. Однако то, что происходит сейчас в этом, может быть, наиболее цепчим участком крымского побережья, — появление все новых и новых многоэтажных зданий, прокладка дорог, инженерных коммуникаций по исторически сложившимся ландшафтам, вырубка леса, нивелирование рельефа и пр. — все это ведет к разрыву вышеназванных зрительных, исторических и иных взаимосвязей и к явному обединению культурной, эстетической ценности памятника. Ясно также, что даже введение строгого охранного режима на его территории и создание здесь некоего историко-архитектурного «оазиса» не решает проблемы, явно недостаточно, необходима какая-то иная форма охранного режима, которая поможет спасти ансамбль вместе с тем ландшафтом, среди которого он исторически складывался. И лучшая форма, оправдавшая себя, кстати, уже во многих странах за рубежом, это историко-природный национальный парк (ИПНП).

Рассмотрим в связи с этим несколько конкретных ситуаций, где, на наш взгляд, имеются те или иные основания для формирования парков этого профиля.

В Торжокском районе Тверской области по живописным берегам реки Тверцы почти напротив друг друга расположены усадьбы Митино и Васильево, созданные выдающимся деятелем русской культуры конца XVIII в., архитектором, изобретателем и поэтом Н. А. Львовым, которые весьма типичны для его твор-

чества, отражают некоторые характерные черты раннего русского классицизма и философию эпохи Просвещения. Усадьбы связаны в настоящее время мостом, здесь же на правом берегу реки создается музей деревянного зодчества Тверского края. Несколько выше по Твери расположены известный погост Прутня и Камерный шлюз петровских времен. Все эти памятники культуры и истории объединяет долина реки, ее высокие залесенные берега. Введение здесь охранного режима национального парка размером около 4 —

5 км² (вместе с прилегающими лесными массивами) позволило бы надежно защитить этот примечательный ландшафт от урбанизации. А пока он не введен, мы и дальше будем вести счет потерям — таким, например, как строительство типового многоэтажного пансионата в усадьбе Митино, грубо искажившего ее характер.

К югу от Торжка находится целое созвездие усадеб, входящих в знаменитое верхневолжское Пушкинское колыо, с которым связаны «осенние досуги» поэта 1823 — 1829 гг. Близкое соседство Малинникова, Павловского, Берново, а несколько в стороне и таких «пушкинских» мест, как Курово-Покровское, Старница, Грузины, Чукавицо и др. предполагает поиск какой-то особой формы заповедания этих территорий. Один из возможных вариантов — это расширение уже существующего здесь Пушкинского историко-природного заказника, который включит в свои границы не только издавна связанные тропинками три усадьбы, но и прилегающие луга и леса по обоим берегам р. Тьмы (до селений Бибиково, Мякинина, Круты, Климово).

Создание заповедных историко-природных парков — сложная задача, которая вовсе не сводится лишь к механическому территориальному объединению нескольких памятников и установлению общей более обширной защитной зоны. Речь идет о формировании и некой новой планировочно-ландшафтной структуры и системы туристских коммуникаций, обеспечивающих наилучшие условия осмотра памятников, выделение заказников, пунктов служения и т. д. В связи с этим обратимся к еще одному историческому прецеденту. Тенденция к объединению усадеб, парков, природных и исторических достопримечательностей в довольно крупные сообщества с помощью прокладки протяженных прогулочных маршрутов проявилась еще в прошлом веке. Одно из них возникает в Крыму еще с 1843 г.

Курортные парки, расположенные к западу от Ливадии, связывают в единый архитектурно-ландшафтный комплекс Царская (теперь «Солнечная») тропа, протянувшаяся из центральной части ливадийского парка до Гаспры почти на 6 км. Ее отличает не только протяженность, но и особенность трассировки — она проложена по горной местности практически без заметных перепадов по высоте. Эта специальная прогулочная видовая дорога проходит по залесенному склону и последовательно раскрывает замечательные морские и горные панорамы Ливадии, Ореанды, Гаспры, Коренза, Ай-Тодора. Начальный участок аллеи проходит по тенистому горному лесу с зарослями лещины, фундука, шиповника, грецкого ореха, инжира. Здесь можно встретить экземпляры и таких деревьев, как кедры гималайские и ливанские, пинии, кипарисы. Затем, после очередного поворота, впереди внезапно открывается широкий вид на Ореанду, морс и величественную скалу Крестовую.

Характерным архитектурным акцентом этой панорамы является большая восемьколонная полуротонда, выстроенная еще в 1843 г. на такой точке, с которой крымский пейзаж воспринимается во всем его великолепии. С этой видовой площадки хорошо просматриваются не только общие контуры местности, но и интересные детали ореандского парка. Пышная субтропическая растительность подступает здесь к подножию гигантских нагромождений скал. Панорамы открываются и на других точках тропы и вблизи нее: с вершины Крестовой, с обрывов у турбазы «Кичкин», с горы Пирожок. Наиболее внимание привлекают мыс Ай-Тодор с его маяком (1870-е годы), остатками средневекового монастыря, замком Ласточкино гнездо (1912 год), особняки Гаспры, силуэты курортов Мисхор, Ореанда.

Морские пейзажи, уходящая вдаль панорама Крымского побережья составляют неповторимое очарование парка. Не оставляют равнодушными и открытые здесь еще в прошлом веке археологические ценности. Так, у берега моря обнаружены стоянки древних людей, на горе Крестовой, рядом с Царской тропой, сохранились руины средневековых укреплений, остатки древней вымощенной камнем тропы, фундаменты оборонительных стен и других каменных сооружений XI-XII веков, следы еще более древней цивилизации тавров. Несколько западнее, на вершине горы Хачла-Каясы, сохранились остатки разрушенного феодального замка.

Здесь важно подчеркнуть, что подобные памятники еще с начала прошлого века рассматривались не только как исторические ценности сами по себе, но и все более в качестве культурных материальных объектов, олицетворяющих временную глубину ландшафта. Значение каждой руины усиливалось от близости других и распространялось на весь окружающий их природный фон. Таким образом, прогулка по заранее организованному историко-природному маршруту становилось как бы и путешествием во времени. Эта тенденция достаточно явно проявила себя и в старых романтических парках.

Но если в начале и середине XIX века это была скорее некоторая условная «игра во время», то к его концу стала важна подлинность исторических свидетельств, их научная достоверность.

Содержание, размеры, архитектурно-пространственная структура, ландшафтная организация и даже целевые установки современных российских ИПНП, конечно же, будут весьма многообразны. В ряде случаев достаточно простого территориального соседства или смежности усадеб при наличии некоего связующего природного фактора. Это, например, Надеждино Куракиных и Зубриловка Голицыных на реке Хонре и его притоке Сердобе, «сдвоенные» имения Гончаровых и Чернышевых на Ламе, целые «цепочки» дворянских усадеб, расположенных вдоль долин рек Вазузы на Смоленщине, Оки от Серпухова до Озера (Подмоклово, Липцы, Есуково, Федоровка, Тарапково, Зенниково, Кропотово и др.). Иногда поводом для изучения возможности создания ИПНП могут послужить и группы усадеб, даже не связанных между собой каким-либо природным фактором, а отстоящих друг от друга на 10–20 км. В этом случае решающую роль может сыграть выдающаяся художественная, культурная, научная значимость усадеб, легкость организации туристских сообщений между ними, отсутствие до настоящего времени каких-либо непреодолимых помех и преград (в виде, например,

Царское Село. Камероновы галереи.
Архитектор Ч. Камерон. 1784–1787 годы

больших промышленных зон) и т. д. Пример подобной ситуации — триада памятников садово-паркового искусства XIX-начала XX вв. — усадьбы Сокиренцы, Качановка, дендропарк Тростянец на Черногвщине. Основания для создания общей заповедной зоны усиливаются, когда усадьбы разделены какой-то сельской местностью, но связаны «тематически», например, это может быть мемориальный НП, посвященный памяти литераторов, художников и природным, историческим объектам из вдохновения (Мурваново — Абрамцево — Хотьково близ Москвы). Особенно очевидны оспования для создания ИПНП, когда усадьбы и другие исторические объекты связаны как общими природными, так и культурными факторами (окрестности Тарусы — Поленово — Бехово на Оке). Наконец, многие сложности, прежде всего практического порядка отпадают, если историческая усадьба — памятник с ее охранной зоной может примкнуть к уже существующему природному национальному парку (пример: усадьба Усолье на правобережном заливе Волги близ Жигулевских гор и национального парка Самарская Лука плоскостью около 150 тыс. га).

Окрестности Санкт-Петербурга изобилуют разнообразными территориальными сочетаниями усадеб, дворцово-парковых комплексов, имеющих огромное культурное, историческое значение, причем, отметим, что здесь процесс образования крупных охранных зон, зачастую охватывающий многие сотни гектар, уже проявляет себя. Это, например, целое созвездие ансамблей и Царском Селе — Павловске (включая помимо известных придворцовых парков также «Колонистский», Баболовский, Фермерский, Отдельный, «Александрову Дачу», Зверинец и другие парки, занимающих около 1300 га, а с учетом «разрывов» более 2 тыс. га), Петродворце,

Гатчине и др. Некоторые, хотя и далеко не все из вышеизложенных, включены уже в состав историко-архитектурных и природных заповедников, хотя их размеры не далеки еще от оптимальных, а принятые границы не гарантируют надежной охраны исторических и природных ценностей, т. к. не вобралы в себя прилегающие открытое пространства.

По нашим предварительным расчетам, основанным на изучении топографических материалов с нанесенными на них старинными усадьбами, обособленными историческими архитектурными памятниками, цепями ландшафтами, сохранившими свой природный или традиционный сельский характер, в пределах центрального региона России имеется около 40–50 зон, в которых после соответствующего детального изучения могут быть созданы историко-природные национальные парки. Проведенный нами анализ и экспериментальное проектирование (на уровне схемы-идей) показывает, что размеры многих из них будут тяготеть к площади порядка 200–700 («малые»), 700–1500 («средние») и 1500–5000 и более га («крупные»).

Выявляется и общая методическая основа для формирования функционально-ландшафтной, планировочной структуры будущих национальных парков историко-культурного профиля. Разумеется, каждый раз конкретная ситуация подскажет свои решения, но, как правило, в ИПНП целесообразно будет выделять: а) его историческое «ядро» — территорию собственно исторических и природных памятников (расположенных компактно, смело или распределенно), б) окружающие их зоны строгой охраны природных ландшафтов, в) одну или несколько зон обслуживания туристов, расположенных обычно у въездов в парк (отдых, развлечения, питание, информация, проживание, хозяйствственно-техническое обеспечение и пр.), г) существующие небольшие населенные пункты и предпринятия, которые смогут далее сохраняться или развиваться лишь в определенных и научно обоснованных границах (типа анклава) и при исключении их вредного воздействия на историко-природные памятники. Все указанные элементы структуры «скрепляются» волнистыми системой коммуникаций (тропы, туристские дороги для безмотornого транспорта, обзорные площадки, хозяйственные дороги, автостоянки и остановки общественного транспорта на въездах в парк). Что касается пространственно-планировочной структуры парков, то видимо преобладать будут следующие варианты:

а. Простейший компактный вариант парковой структуры. Одна экспозиционная зона, одна буферная зона, один подъезд — вход с центром обслуживания и экспозиционный (туристский) маршрут элементарной конфигурации. Природная зона полностью окружает историческую композицию и обеспечивает необходимую изоляцию от внешнего окружения;

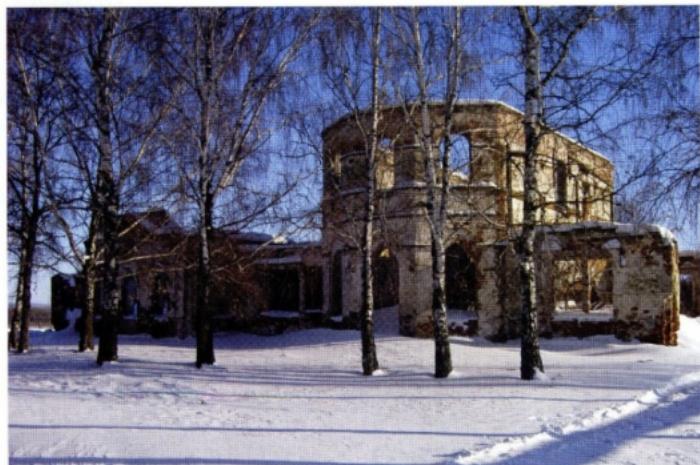
б. Линейный вариант структуры парка. При этом экспозиционная зона имеет протяженную конфигурацию, либо представлена несколькими зонами вдоль основного коммуникационного «стержня» парка.

Буферные зоны могут дублироваться;

в. Усложненный компактный вариант. Отличается наличием нескольких экспозиционных зон в «едином» природном окружении, но при одном главном центре информации и обслуживания. Буферная зона расположена со стороны главного подъезда к парку;

г. Планировочно-расщепленный и десентрализованный (дисперсный) вариант. Характерен для крупных парков, расположенных в городских агломерациях, пригородных зонах, местностях наиболее развитых в хозяйственном отношении. Территория парка может состоять из нескольких больших и малых частей, а также иногда и включать в себя «острова» («анклавы») городской, сельской застройки, производственные сооружения, транзитные транспортные коммуникации и т. п. Характерна множественность объектов экспозиции, «буферных» зон, природных заказников. При этом исторические объекты вступают в непосредственные территориальные или визуальные контакты с современным урбанизированным фоном.

Специфическая для ИПНП задача — возможно полное выявление «исторического потенциала» местности, опора не только на уже имеющиеся и известные памятники, но и усиление историко-ландшафтного «фона» во всех зонах парка. Часто это воссоздание примет традиционного сельского быта: колодцы, мельницы-ветряки, памятные кресты и часовни, аллейные посадки вдоль дорог, их булыжное мощение, полевые тропы, пруды-копани для домашней птицы, деревенские кладбища и т. д. Это и, наоборот, скрытие или устранение некоторых диссонирующих явлений, связанных с нецивилизованным вторжением современной техники в исторически сложившуюся среду (создание защитных посадок, земляных брустверов вдоль транзитных дорог с грузовым автотранспортом, размещение необходимых

технических сооружений под землей, устранение чрезмерно активных в визуальном отношении рекламных установок, ликвидация бетонных заборов (или их вертикальное озеленение, замена прозрачными оградами и т.д.). Особого внимания потребует проблема выявления ландшафтов, соотносящихся с тем или иным историческим периодом, согласование архитектурных компонентов среды, скажем, конца XVIII или начала XIX веков, с соответствующим природным («парковым») фоном. Здесь в равной степени сложны как методы выявления своеобразия таких исторических зон, так и их художественная взаимосвязь. Из наиболее известных примеров подобного разграничения и в то же время связности укажем на районы барокко и раннего классицизма в Царском Селе, где роль композиционной сцены парков, решенных в разных стилях, играют такие сооружения, как Гrot (Ф. Б. Растрелли) и Камеронова галерея.

Согласно нашим предварительным проработкам данной проблемы (на примере отдельных участков Новолужай в районе Казани, вблизи Камского Устья, на Самарской Луке, а также в Московской, Тверской, Калужской и других областях), особенно детального анализа потребуют те исторические ландшафты, к которым тяготеют большие туристские потоки вблизи крупных городов. Здесь неизбежно возникнет задача найти верный ход к сопоставлению «старого» и «нового», показать преемственность различных эпох. При этом природный ландшафт часто выступает как основа такой преемственности.

Библиография

1. Нащокина М.В. Русские сады. Вторая половина XIX - начало XX века. М.: Арт-Родник, 2007.
2. Веруунов А.П., Горохов В.А. Садово-парковое искусство России: от истоков до начала XX века. М.: Белый город, 2007.